

Информация для цитирования:

Дзюба Е. В. Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса : моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО / Е. В. Дзюба, А. Г. Кузякин // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 6. — С. 31—52. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52.

Dziuba, E. V., Kuzyakin, A. G. (2025). Implementing Consolidation Strategies in Institutional Discourse: Modeling Concept of COOPERATION. *Nauchnyi dialog*, 14 (6): 31-52. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО

Дзюба Елена Вячеславовна

orcid.org/0000-0002-3833-516X

доктор филологических наук,
профессор Высшей школы
международных отношений,
корреспондирующий автор
dzyuba_ev@spbstu.ru

Кузякин Александр Григорьевич

orcid.org/0009-0006-2161-7028

кандидат политических наук, доцент
Высшей школы
международных отношений
kuzyakin_ag@spbstu.ru

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект «Стратегии продвижения
национальных интересов России
через трансформирующиеся институты
многосторонней дипломатии:
лингвополитологический аспект»
№ 25-28-01062,
<https://rscf.ru/project/25-28-01062/>

Implementing Consolidation Strategies in Institutional Discourse: Modeling Concept of COOPERATION

Elena V. Dziuba

orcid.org/0000-0002-3833-516X

Doctor of Philology, Professor,
Higher School
of International Relations,
corresponding author
dzyuba_ev@spbstu.ru

Alexander G. Kuzyakin

orcid.org/0009-0006-2161-7028

PhD in of Political Sciences,
Associate Professor, Higher School
of International Relations
kuzyakin_ag@spbstu.ru

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with
the financial
support of the Russian Science Foundation,
the project “Strategies for promoting national
Interests Russia through the Transforming
Institutions of Multilateral Diplomacy:
a Linguistic and Political Aspect”
№ 25-28-01062,
<https://rscf.ru/project/25-28-01062/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование проводится в русле современной лингвополитологии. В текстах институционального дискурса выделяются средства репрезентации стратегии консолидации. Методом лексикографического анализа выявляются слова с семантикой единения. Посредством программы автоматизированной обработки данных Voyant tools (корпусный анализ) определяется частотность употребления таких слов, осуществляется ранжирование лексем, позволившее выделить доминирующую единицу *сотрудничество*. Изучение коллокаций с данной лексемой (контекстный анализ) позволило выделить основные смысловые конструкторы концепта СОТРУДНИЧЕСТВО, реализующие стратегию консолидации (когнитивно-пропозиционный анализ): субъекты сотрудничества и их атрибутивные характеристики (идеологическая позиция, локализация), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудничества). Выявлено общее и различное в интерпретации стратегии консолидации, декларируемой в основных документах, которые отражают специфику институционального дискурса, где политическими акторами выступает либо отдельное государство (Россия), либо международная организация (ШОС) и межгосударственное объединение (БРИКС). Подчеркивается, что основой современного понимания единения в международном политическом дискурсе является не идеологическая близость, как в период Холодной войны, но возможность взаимовыгодного сотрудничества. Выделяются модели консолидации (многоуровневая и масштабируемая, векторная регионально-ориентированная, альтернативная глобально-ориентированная), отраженные в разных документах.

Ключевые слова:

лингвополитология; стратегия единения; стратегия консолидации; солидарность; концепт СОТРУДНИЧЕСТВО; ШОС; БРИКС; модели консолидации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is situated within the framework of contemporary linguopolitics. It identifies the means of representing consolidation strategies in institutional discourse texts. Utilizing lexicographic analysis, the research reveals words that convey the semantics of unity. Through the application of the Voyant Tools program for automated data processing (corpus analysis), the frequency of these terms is determined, allowing for the ranking of lexemes and highlighting the dominant unit of cooperation. An examination of collocations with this lexeme (contextual analysis) reveals the primary semantic constructs of the concept of COOPERATION that enact consolidation strategies (cognitive-propositional analysis): the subjects of cooperation and their attributive characteristics (ideological stance, localization), as well as the attributive features of joint action (spheres of cooperation). The study uncovers both commonalities and differences in interpreting consolidation strategies as articulated in key documents that reflect the specifics of institutional discourse, where political actors may be either a single state (Russia), an international organization (SCO), or an intergovernmental association (BRICS). It is emphasized that the foundation of contemporary understanding of unity in international political discourse is not ideological proximity, as was the case during the Cold War, but rather the potential for mutually beneficial cooperation. Various models of consolidation are identified (multilevel and scalable, vector-based regionally-oriented, alternative globally-oriented), as reflected in different documents.

Key words:

Linguopolitics; Unity Strategy; Consolidation Strategy; Solidarity; Concept of COOPERATION; SCO; BRICS; Models of Consolidation.

УДК 811.161.1'42::341.232

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-6-31-52

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Реализация стратегии консолидации в текстах институционального дискурса: моделирование концепта СОТРУДНИЧЕСТВО

© Дзюба Е. В., Кузякин А. Г., 2025

1. Введение = Introduction

В условиях формирования многополярного мироустройства ключевым инструментом международного политического дискурса становится коммуникативная стратегия консолидации, реализуемая через специфический комплекс языковых средств и складывающихся с их помощью концептов. Лингвополитологический анализ текстов институционального дискурса на основе официальных документов (здесь рассматриваются «Концепция внешней политики РФ» 2023 года, «Астанинская декларация ШОС» 2024 год, «Казанская декларация БРИКС» 2024 года) позволяет выявить своеобразные модели солидаризации (объединения) и консолидации (укрепления единства), которые проявляются в тексте за счет лексики с общей семантикой единения: *единство, союзничество, партнерство, содружество, интеграция, солидарность, консолидация, сотрудничество* и др. Дискурс — в его социально-прагматическом понимании — трактуется как «речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения»; дискурс институциональный предполагает «вербальное поведение, сложившееся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [Карасик, 2000, с. 27—28]. Так, в случае с анализируемыми здесь текстами субъектами коммуникации выступают представители власти разных государств.

Важно подчеркнуть, что современная политическая лингвистика имеет своим постулатом положение о том, что «главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее

использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.)» [Чудинов, 2006, с. 6]. При этом основным предметом политической лингвистики, по мнению автора цитируемой работы, «является политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе [Там же].

А. В. Фролова, обобщая работы целого ряда специалистов по политической лингвистике и критическому дискурс-анализу [Баранов, 1997; Красильникова, 2012; Перельгут и др., 2013; Плотникова, 2005, 2009; Попова и др., 1984; Шейгал, 2004; Van Dijk, 1997], подчеркивает: «Институциональный политический дискурс ... направлен на воздействие на адресата с целью сохранения, осуществления, перераспределения и завоевания политической власти; неинституциональный политический дискурс, или политический дискурс реагирования, представляет собой общение, спроектированное оценочной реакцией коммуникантов на политические явления и участие в обмене мнений, в решении проблем общества и государства, которое уточняет или формирует их картину мира» [Фролова, 2023, с. 8]. Таким образом, в области политической лингвистики институциональный дискурс рассматривается чаще в вертикальной плоскости — как взаимоотношения власти и граждан страны. Однако политика представляет собой более сложный и многосторонний феномен, а политическая коммуникация не ограничивается только таким типом взаимоотношений, который предполагает *вертикаль* между осведомленными в области политтехнологий гражданами (собственно политические лидеры) и простыми гражданами, плохо осведомленными в области политтехнологий (электорат). В аспекте международных отношений также важна *горизонтальная* коммуникация, то есть коммуникация между равными, между представителями разных государств, в том числе в рамках международных организаций и межгосударственных объединений. Иными словами, политическую коммуникацию, и в частности — институциональный дискурс, следует также рассматривать в горизонтальной плоскости — как речевое взаимодействие между странами, их правительствами, лидерами и т. п.

Данное исследование фокусируется на языковых маркерах стратегии консолидации, а также на выделении и изучении четырехкомпонентной структуры когнитивно-пропозициональной модели сотрудничества в текстах институционального дискурса: субъекты сотрудничества, их атрибутивные характеристики (идеологическая позиция, пространственная локализация), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудниче-

ства); при этом собственно предикатная семантика заложена в отглагольном существительном *сотрудничество* (от: *сотрудничать*). Заметим, что пропозиция понимается здесь как «абстрактная модель ситуации, не связанная с модально-временными значениями и ... отражающая существенные элементы речевой ситуации: участники ситуации, отношения, которые связывают и обеспечивают им те или иные роли» [Галимова, 2021, с. 251].

Цель работы заключается в определении набора языковых средств репрезентации концепта СОТРУДНИЧЕСТВО и выявлении специфики его интерпретации как средства реализации стратегии консолидации в текстах институционального дискурса, отражающих общие и частные аспекты продвижения национальных интересов России в международной политике через региональные и глобальные институты многосторонней дипломатии (ШОС и БРИКС).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Общее направление исследования определено развитием современной лингвополитологии, которая рассматривает язык в разных аспектах: как феномен, являющийся материалом и средством моделирования политической картины мира за счет формирования политически значимых концептов и категорий; как факт, участвующий в реализации политических действий и событий, то есть акт политического волеизъявления (публичные политические речи, основные документы, отражающие политическую позицию стран-участников международных организаций и международных объединений, и др.). Лингвополитология материалом для изучения «видит» политические действия и события, которые выражаются в речевой форме (заявления, обращения, декларации, соглашения, договоры и т. п.) и которые направлены на реализацию той или иной стратегии как политического действия. Лексика естественного языка, выражающая семантику единения, взаимопонимания, установления добрых и доверительных отношений (*мир, дружба, добрососедство, согласие, диалог, взаимодействие, взаимопонимание, доверие* и под.) и используемая в международных документах, «овнешняет» значимые в политическом мире стратегии единения и паритетности. Одновременно она свидетельствует о консолидации усилий разных политических акторов, выражая определенные действия в соответствии с заявленной концепцией, ср. реализацию стратегии через лексемы *совместный, равноправный, взаимный, дружба, добрососедство, диалог* — к действиям подтверждения причастности общей идее, выраженным перформативными глаголами: *выразить (мнение / уверенность / солидарность), подтвердить (причастность), заявить (о намерении), выступить (в защиту / против)* и т. п.

Языковые средства, репрезентирующие семантику единения в разных языках и дискурсах, активно изучаются отечественными и зарубежными учеными. М. В. Гаврилова на основе программ политических партий и выступлений российских президентов рассматривает изменение содержательных форм концепта ЕДИНСТВО на протяжении XX—XXI веков [Гаврилова 2010]. Т. В. Дубровская и Э. И. Юськаева, изучая способы дискурсивного конструирования британской национальной идентичности, выделяют в качестве ключевых стратегию объединения государств и противоположную стратегию — их дистанцирования, а также выявляют прагматингвистические средства репрезентации указанных стратегий (отсылки к значимым событиям и датам истории, лексика с темпоральной семантикой и семантикой единения, грамматические маркеры прошлого, метафоры и идиомы, инклюзивные именные сочетания, лексические маркеры положительной и отрицательной оценки) [Дубровская и др., 2010]. В. П. Джиеова и Т. Ю. Тамерьян на материале публичных выступлений Президента Республики и спикера парламента Южной Осетии, а также документов партии «Единая Осетия» посредством метода фреймового анализа представляют содержание концептов ЕДИНСТВО / ИУДЗИНАД, выделяя среди ключевых когнитивных признаков следующие: ‘общегосударственные интересы и ценности’; ‘коллективная идея сохранения национальной идентичности’; ‘воссоединение Южной и Северной Осетии’; ‘единство ветвей власти внутри республики’; ‘потребность южных осетин в этнической территориальной консолидации’ [Джиеова и др., 2017]. М. М. Раевская и И. В. Селиванова, рассматривая публичные речи испанского монарха Филиппа VI в аспекте институционализации, выделяют стратегии и тактики речевого воздействия, среди которых как значимые для консолидации нации отмечают тактики солидаризации и единения [Раевская и др., 2021]. Д. А. Кушнерева, изучающая политические речи Эвы Перон, супруги президента Аргентины Хуана Перона, отмечает восемь разновидностей тактики кооперации и описывает языковые средства их реализации [Кушнерева, 2021]. Наиболее подробно и разноаспектно языковые средства с семантикой единения описаны в монографии «Лики единения в языке и дискурсе» под общей редакцией Т. В. Леонтьевой [Лики единения..., 2022]. Особенно актуальна для нашего исследования четвертая глава, подготовленная Т. В. Дубровской. В разделе выделяются языковые маркеры *–един–*, *–цел–*, *меж– / между–*, *взаимо–*, *обще–*, которые репрезентируют идею объединения и в комбинациях с разными единицами, как правило, приобретают «положительный аксиологический статус» [Дубровская, 2022, с. 196—264]. Т. В. Дубровская приходит к выводу, что лексемы с указанными элементами формируют «семантическое поле единения, охватывающее и сопряженные об-

ласти смыслов взаимности, неединичности, равенства, сближения» [Дубровская, 2022, с. 264]. Исследователь также подчеркивает, что «единение конструируется, во-первых, как внутригосударственный атрибут, и в этом случае одним из наиболее важных аспектов единения выступают территориальная целостность и межкультурное взаимодействие; и, во-вторых, как атрибут внешнеполитической деятельности РФ, для которой характерна интеграция в общемировое пространство при одновременном сохранении общероссийской идентичности» [Там же].

Современные исследователи отмечают особое значение лексики с семантикой единения в текстах институционального дискурса. С. А. Громыко подчеркивает, что лексемы *единство* и *единение*, которые имеют не только сходство в содержании, но и различия в грамматической семантике, отражающей идеологические представления политических деятелей, активно использовались в парламентских речах начала XX века для выражения идеи положительной и отрицательной интегративности в зависимости от политической программы выступающего [Громыко, 2023]. Т. В. Дубровская рассматривает лексемы с корнем *-един-* в государственных программных документах (80 единиц), принятых в Российской Федерации в 2021 году, подчеркивает высокую востребованность этих языковых средств для создания идеального образа государства с его территориальной целостностью, сплоченным народом, единой системой ценностей, желаемым типом отношений между российским обществом и субъектами власти и т. д. [Дубровская, 2022].

Подчеркнем, однако, что, хотя в некоторых работах упоминается единица *сотрудничество*, ей и стоящему за ней концепту уделено недостаточно внимания. Отметим некоторые публикации: структура лексико-семантического поля концепта СОТРУДНИЧЕСТВО, в котором по разным уровням (ядерный, приядерный, «ближнепериферийный», «дальнепериферийный») распределены 34 лексемы, 7 словосочетаний с указанием дополнительных смысловых оттенков и коннотаций, описана в публикации М. Л. Лаптевой, О. А. Уразгалиевой [Лаптева и др., 2016]; концепт ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО в аспекте реализации разных стратегий: оказания гуманитарной помощи государства-донора странам-реципиентам; применения «мягкой силы», заменяющей влияние одной страны на другую с помощью насилия или финансовых вложений, — рассмотрен в статье А. В. Пентеговой [Пентегова, 2019]. Анализ современных текстов, функционирующих в институциональном дискурсе, свидетельствует об особой значимости единицы *сотрудничество*, которая актуализирует идею объединения государств не столько на идеологическом основании, как было, например, в период Холодной войны, сколько посредством де-

кларирования и реализации многостороннего сотрудничества (или отказа от него в случае разъединения государств).

Среди зарубежных исследований, внимание которых сфокусировано на механизмах реализации стратегии консолидации (в других терминах — солидаризации), можно выделить работы [Cioce et al., 2023; Peled, 2024]. В первой из них как составляющие «импровизированного языка солидарности» рассматриваются языковые практики преодоления барьеров между мультиэтническими рабочими-мигрантами; во второй ставится вопрос о политических рангах языков, что противоречит самой концепции солидаризации общества.

Большого исследовательского интереса заслуживает статья [Wilk et al., 2024], в которой предлагается обзор зарубежных работ о языковых маркерах солидарности, а также на материале речей украинского президента, адресованных ООН и НАТО, выявляются языковые средства (местоимения *я — мы — они* и средства проксимизации, позволяющей нечто отдаленное во времени и пространстве рассматривать как более близкое и срочное) и дискурсивные стратегии укрепления солидарности на основе конструирования «новой идентичности» и создания новых объединений с общими ценностями и опытом.

Данная работа представляет лингвополитологический анализ трех текстов институционального дискурса («Концепция внешней политики Российской Федерации», 2023; «Казанская декларация БРИКС», 2024; «Астанинская декларация ШОС», 2024), в которых выделяются средства репрезентации стратегии консолидации. Тексты отобраны на основании следующих критериев:

- общность цели (содействие «формированию всеобъемлющей, неделимой, открытой, транспарентной, многосторонней и равноправной архитектуры» многополярного мира; продвижение национальных интересов государств-членов международных организаций и объединений);
- концептуальная близость (общность идей развития многополярности и отрицания гегемонии);
- общая содержательная направленность документов (декларирование приоритетов развития на международной арене);
- относительная синхронность создания документов (2023—2024 годы).

В текстах отражены разные векторы продвижения национальных интересов России в международных институтах разного формата: регионального и глобального.

Методом лексикографического анализа выявляется набор слов (55 существительных, 25 прилагательных, 35 глаголов, 28 наречий), актуализи-

рующих семантику единения. Методом корпусного анализа с помощью программы автоматизированной обработки данных *Voyant tools* определяется частотность употребления этих единиц в отобранных текстах, осуществляется ранжирование лексем, позволяющее выделить в качестве доминирующей единицы *сотрудничество*. Методом корпусного и контекстного анализа выделяются и рассматриваются коллокации с лексемой *сотрудничество*; методом когнитивно-пропозиционального анализа определяются основные смысловые конструируемые, определяющие реализацию стратегии консолидации в институциональном дискурсе: субъекты сотрудничества, атрибутивные характеристики субъектов (идеологическая позиция, пространственная локализация, то есть география), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудничества); метод моделирования позволяет по текстовым данным конструировать модели консолидации.

Общенаучными методами сопоставления, анализа и генерализации фактов, полученных в ходе автоматизированной обработки текстов и их интерпретации, достигается главная цель исследования. Лингвополитический анализ текста, обобщающий предложенную методологию, позволяет выявить общее и различное в интерпретации стратегии консолидации, декларируемой в основных документах, которые отражают специфику институционального дискурса, где политическими акторами выступает, с одной стороны — отдельное государство (Российская Федерация), с другой стороны — международная организация (ШОС) и межгосударственное объединение (БРИКС).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Результаты лексикографического анализа

Ядром синонимического ряда, актуализирующего семантику объединения, является корневой элемент *един-* (*единство, единение, объединение, единый, объединенный, воссоединять, единить, соединять(ся), объединять(ся)*). С помощью онлайн-словаря синонимов русского языка [ССРЯ ОП] были выделены синонимичные существительные (*интеграция, связь, близость, союз, общность, солидарность, консолидация, сотрудничество* и др.); прилагательные (*цельный, общий, коллективный, совместный, согласованный, солидарный, консолидированный, единодушный, неделимый, неразрывный, сплоченный* и т. д.); глаголы (*обобщать, связывать, интегрировать, консолидировать, агрегировать, группировать, коллективизировать, согласовывать, кооперировать, сближать, сливать, спаивать* и др.); наречия (*вместе, коллективно, общими усилиями / общими силами, друг друга, сообща, взаимно, перекрестно* и нек. др.).

Выявленные корневые элементы или другие части слов¹ были включены в поисковый запрос при автоматизированной обработке отобранных текстов, осуществлено ранжирование единиц по количеству употребления, ср. 15 наиболее частотных единиц в «Концепции...»²): *сотруднич-* — 75, *един-* / *объедин-* / *соедин-* — 50, *взаим-* — 48, *общ-* / *сообщ-* — 45, *партнер-* — 36, *союз-* — 31, *связ-* — 23, *интегр-* — 16, *совет-* / *советс-* — 15, *друг* / *друж-* — 10, *диалог* — 7, *соглас* / *соглаш-* — 6, *коллектив-* — 6, *солидар-* / *консолид-* — 6, *неделим-* — 5. Самой употребительной, как видно, явилась единица *сотруднич-*, что определило выбор для анализа данного репрезентанта концепции единения. Элемент *сотруднич-* в «Казанской декларации БРИКС» употребляется 110 раз (ср.: на втором месте — *связ-*, 48; на третьем — *общ-* / *сообщ-*, 41 и т. д.), в «Астанинской декларации ШОС» выявляется 53 употребления единицы *сотруднич-* (на втором месте — *взаим-*, 37; на третьем — *друг-* / *друж-*, 16 и т. д.). Очевидно, что наиболее актуальной в репрезентации стратегии консолидации являются лексемы с элементом *сотруднич-* (*сотрудничать*, *сотрудничество*).

3.2. Когнитивно-пропозициональная модель концепта **СОТРУДНИЧЕСТВО**

Анализ лексических единиц с семантикой единения, которые способствуют репрезентации стратегии консолидации через многостороннее сотрудничество, позволяет выстроить когнитивно-пропозициональную модель, содержащую следующие смысловые конструкторы: субъекты сотрудничества ('кто с кем солидаризируется посредством сотрудничества', то есть политические акторы), атрибутивные характеристики субъектов ('идеологическая позиция субъектов сотрудничества', 'пространственная локализация субъектов сотрудничества', то есть их география), атрибутивные характеристики совместного действия ('сферы сотрудничества'). Денотативная область семантики охватывает в качестве субъектов взаимодействия основные страны-участницы и организации (лексический план представляют имена собственные: наименования стран, международных организаций, межгосударственных объединений). В качестве идеологической составляющей выступают общие ценности и принципы, декларируемые в документах, основными репрезентантами политических ценностей являются слова-концепты *многополярный мир*, *суверенитет*, *невмеша-*

- 1 Ресурс *Voyant tools* не обладает опцией лемматизации единиц корпуса, но позволяет осуществлять поиск по корневым морфемам или частям слова, что позволяет обобщить количественные данные по всем словоформам.
- 2 При выявлении ключевой леммы за основу была взята «Концепция внешней политики Российской Федерации», поскольку в центре внимания находятся национальные интересы России, заявленные в данном документе и по-разному реализованные в материалах, созданных иными политическими акторами.

тельство, сотрудничество, суверенное равенство, безопасность через диалог, экономическая интеграция, антитерроризм, инклюзивное развитие и др.). Локализация субъектов сотрудничества денотативно представлена отдельными странами, территориальными объединениями стран в рамках международных организаций и объединений, отдельными регионами; лексическими репрезентантами являются имена собственные (*Евразия, Центральная Азия, Южная Азия, Восточная Европа, Китай, Ближний Восток* и др.). Особую роль здесь играют также номинации слов-концептов, формирующихся в современной политической картине мира: *Большая Евразия, Глобальный Юг, Глобальный Север* и под. Концептуально значимыми являются единицы с семантикой географического охвата сотрудничества: *региональный vs. глобальный*. Номинации денотативных сфер взаимодействия субъектов сотрудничества представлены наименованиями областей научного знания и его практического применения: *безопасность, экономика, наука, культура, экология, цифровизация, транспортная логистика, энергетика, здравоохранение* и т. д. Основные компоненты модели и средства их реализации отражены в таблице.

3.3. Интерпретация собранных данных

Выбранные для лингвополитологического исследования тексты институционального дискурса содержат значительный пласт лексики семантического поля единения, в котором ядерными компонентами являются слова: *единство, объединение, сотрудничество, интеграция, партнерство, содружество, дружеские связи, сплоченность, совместное развитие* и нек. др. Во всех трех документах активно используются данные лексемы, репрезентирующие стремление к сотрудничеству, взаимопомощи и консолидации. Следует, однако, отметить некоторые нюансы в употреблении указанных единиц:

— лексема *партнерство* подчеркивает равноправный характер взаимодействия и взаимозависимость, ср.: *Мы поддерживаем углубление экономического **партнерства**¹ и транспортной **взаимосвязанности*** [АД СГТ ШОС];

— выражение *взаимовыгодное взаимодействие* актуализирует идею паритетности, значимости каждой стороны, рассчитывающей на получение пользы и выгоды от сотрудничества, ср.: *Россия выступает за укрепление многостороннего **сотрудничества** на основе уважения суверенитета и **взаимной** выгоды* [КВП РФ];

— лексема *сплоченность* наиболее актуальна в контексте рассмотрения вопроса о международной безопасности, ср.: *Государства-чле-*

1 Здесь и далее в примерах выделены лексемы с семантикой единения.

Таблица

Компоненты когнитивно-пропозициональной модели концепта СОТРУДНИЧЕСТВО
в документах институционального дискурса

Смысловой конструкт	Субъекты сотрудничества (страны, международные организации и объединения)	Наименования пространственной локализации субъектов сотрудничества (политико-географический аспект)	Концепты-репрезентанты идеологических установок субъектов сотрудничества	Атрибутивная характеристика сотрудничества (наименования сфер взаимодействия субъектов)
Концепция внешней политики РФ	РФ, СНГ, ООН, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, АТЭС, G20, БРИКС, АСЕАН, Африканские и Латиноамериканские страны	региональная и глобальная локализация (Евразия, СНГ, БРИКС, развивающиеся страны)	многополярный мир, суверенитет, невмешательство, международное право, сотрудничество	безопасность, экономика, наука, культура, экология, цифровизация, борьба с терроризмом и др.
Астанинская декларация ШОС	ШОС (страны Центральной Азии, РФ, Китай, Индия, Пакистан)	Центральная Азия, Южная Азия, Восточная Европа, Китай	суверенное равенство, безопасность через диалог, экономическая интеграция, антитерроризм	безопасность (борьба с терроризмом и экстремизмом), экономика, транспорт, энергетика, здравоохранение, цифровизация, экология
Казанская декларация БРИКС	БРИКС (РФ, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР + новые члены: Эфиопия, Иран, ОАЭ, Египет, Саудовская Аравия, Аргентина)	Глобальный Юг (Азия, Африка, Латинская Америка), Ближний Восток	многополярность, реформирование теряющих эффективность международных институтов (ООН, МВФ), инклюзивное развитие	экономика (дедолларизация), технологии, здравоохранение, образование, борьба с изменением климата, цифровая трансформация, устойчивое развитие

ны ШОС подтверждают приверженность **единству и сплоченности** в борьбе с терроризмом [АД СГГ ШОС];

— единица *содружество* наиболее частотна в «Концепции внешней политики РФ», что обусловлено упоминанием Содружества независимых государств и созданного на его основе международного объединения Евразийский экономический союз (ЕАЭС);

— слово *интеграция* рассматривается, как правило, в экономическом ключе, ср.: *Активизируется формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнерств для решения общих проблем* [КВП РФ];

— единицы *связи, сотрудничество* обычно фиксируют многосторонние отношения, ср.: *Объективными предпосылками для формирования новой модели сосуществования с европейскими государствами являются географическая близость, исторически сложившиеся глубокие культурно-гуманитарные и экономические связи народов и государств европейской части Евразии* [КВП РФ]; *Мы обязуемся продолжать укреплять гуманитарные связи, расширять многостороннее сотрудничество и разрабатывать совместные проекты в области туризма* [КД БРИКС]; *Государства-члены намерены и далее развивать сотрудничество в сферах политики и безопасности, торговли, экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей...* [АД СГГ ШОС];

— единица *солидарность* наиболее частотна в «Казанской декларации БРИКС» при реализации идеи поддержки глобального Юга;

— слова *объединение, единомышленники, солидарность* свидетельствуют об идеологической близости стран-членов объединений, ср.: *БРИКС — это объединение единомышленников, стремящихся к справедливому мироупорядку* [КД БРИКС] и т. д.

Таким образом, в рассмотренных документах доминирует лексика, репрезентирующая семантику единства через сотрудничество, взаимопомощь, получение взаимной выгоды, заинтересованность в совместном развитии и т. п., что отражает стремление к консолидации идеологически близких стран. Нельзя, однако, не отметить, что, несмотря на наличие во всех документах концентрированного внимания к стратегии консолидации и слову-концепту *сотрудничество*, при конструировании когнитивно-пропозициональной модели концепта выделяется ряд специфических для каждого документа особенностей.

Сравнительный анализ когнитивно-пропозициональных моделей, связанных с разными вариациями концепции сотрудничества и конструируемых на материале разных документов, позволяет сформулировать

некоторые выводы. «Концепция внешней политики РФ» 2023 года, а также декларации ШОС и БРИКС 2024 года демонстрируют разные модели консолидации, каждая из которых отражает специфику взаимодействия с определёнными группами стран. «Концепция внешней политики РФ» при указании на многосторонность и разноуровневый (региональный и глобальный) характер сотрудничества делает акцент, с одной стороны, на постсоветском пространстве, с другой — на стратегическом партнерстве с Китаем и Индией. Россия стремится к укреплению связей с *ближним кругом*, а также со *стратегическими и идеологическими союзниками* во всем мире. Таким образом, «Концепция внешней политики РФ» выстраивает иерархию солидарности: на первом месте находится СНГ и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), затем следуют БРИКС и ШОС, следующий уровень — отдельные страны Азии, Африки и Латинской Америки и т. д. Важно подчеркнуть, что при актуализации идеи союзничества и дружественности в «Концепции...» не постулируется резко противоположная позиция по отношению к оппоненту, ср.: *Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга. На такой основе Российская Федерация готова к диалогу и сотрудничеству* [КВП РФ].

С точки зрения локализации в приоритете РФ находится сотрудничество со странами постсоветского пространства (*братскими народами, исторически близкими партнерами*), ср.: *Россия рассматривает государства СНГ как ближайших союзников и партнеров, отношения с которыми основаны на общей истории и взаимных обязательствах; Углубление интеграции в рамках ЕАЭС — стратегический выбор, направленный на создание единого экономического пространства* [КВП РФ]. На следующем уровне сотрудничества — Китай и Индия; «осторожное» взаимодействие планируется с Турцией, Ираном, Саудовской Аравией; также Россия планомерно открывает горизонты для сотрудничества в направлении отдельных стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Основными сферами сотрудничества являются следующие: военно-политическая интеграция через Организацию договора о коллективной безопасности и совместные учения со странами ОДКБ; экономическая кооперация через ЕАЭС посредством сотрудничества в первую очередь в области развития сырьевой отрасли (строительство газопроводов и т. п.)

и осуществления рублевых взаиморасчетов; гуманитарные связи со странами постсоветского пространства осуществляются за счет продвижения русского языка и культуры (2023 год был объявлен Годом русского языка в странах СНГ [Решение СГГ СНГ]), а также за счет развития общего образовательного пространства. Россия, таким образом, позиционирует себя как ядро *евразийской интеграции*, делая ставку на политическую лояльность бывших советских республик и экономическое партнёрство с Китаем. Важно подчеркнуть, что в «Концепции...» в целом выделяется не менее 17 сфер сотрудничества с разными странами и регионами.

Траектория развития ШОС пролегает в направлении стран Центральной Азии, ср.: *Государства-члены подтверждают, что Центральная Азия является ядром ШОС* [АД СГГ ШОС]. При этом организация охватывает разные сферы сотрудничества, но фокусируется в первую очередь на таких приоритетах, как консолидация усилий для сохранения региональной безопасности и противодействия конкретным угрозам — терроризму, экстремизму, наркоторговле и т. д., ср.: *Государства-члены солидарны в признании необходимости совершенствования механизмов ШОС по противодействию вызовам и угрозам безопасности и расширения профильного сотрудничества по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также с незаконным оборотом наркотиков, контрабандой оружия и другими видами транснациональной организованной преступности* [АД СГГ ШОС]. Не менее важным аспектом сотрудничества стран ШОС является экономическое взаимодействие, а также создание и развитие эффективных транспортных коридоров, развитие энергетической отрасли и т. д., ср.: *Государства-члены выступают за дальнейшее углубление ориентированного на людей взаимодействия по вопросам повышения благосостояния и уровня жизни населения на пространстве ШОС. Они считают важным продолжить реализацию Программы многостороннего **торгово-экономического сотрудничества*** [АД СГГ ШОС]. Важно подчеркнуть, что у ШОС имеются отчетливые идеологические ориентиры (ср.: *Государства-члены, опираясь на **близость** или **совпадение оценок** текущей региональной и международной повестки дня, подтверждают приверженность формированию более представительного, демократического, справедливого и многополярного миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права, культурно-цивилизационном многообразии, **взаимовыгодном** и равноправном **сотрудничестве** государств при центральной **координирующей** роли ООН*), однако солидаризация стран ШОС выражается не в идеологических лозунгах, но в конкретных практических мерах против возможных вызовов и угроз.

В тексте «Казанской декларации БРИКС» также используется лексика, репрезентирующая стратегию консолидации через сотрудничество, ср. выражения: *укрепление / развитие / углубление сотрудничества, содействие сотрудничеству, совместная работа, консолидация усилий* и др. Значительную роль в репрезентации идеи единения играет местоимение *мы*, которое формирует коллективную идентичность (см. подробнее: [Норман и др., 2016; Akbari Hamed et al., 2020; Wilk et al., 2024]). БРИКС «говорит» от лица альянса стран, но не отдельного государства, ср.: *Мы подтверждаем приверженность укреплению координации; Мы признаем важность многополярного мира* и т. д. [КД БРИКС]. Многократное повторение местоимения *мы* способствует созданию эффекта коллективного субъекта, который действует согласованно, актуализирует идею равноправного партнерства. В отличие от таких организаций, в которых одно государство доминирует (например, США в G7 или НАТО), БРИКС намеренно использует языковой маркер *мы* для демонстрации равного участия всех членов, ср.: *Мы выступаем за реформу международных институтов* [КД БРИКС]. Местоимение *мы* выступает в координации с глагольными формами: *подтверждаем, поддерживаем, углубляем, стремимся* и под., что также акцентирует внимание на декларировании сплоченности и согласованности действий, ср.: *Мы полны решимости содействовать развитию сотрудничества; Мы подтверждаем приверженность укреплению координации; Мы вновь заявляем о нашей приверженности многосторонности и соблюдению международного права* и т. д. [КД БРИКС]. Таким образом, местоимение *мы* и соответствующие ему формы глаголов (чаще перформативных, что характерно для декларативных заявлений) в данном документе — это не просто грамматическая конструкция, это инструмент декларируемой консолидации не собрания отдельных стран, но единого коллектива, выступающего за многополярный мир (полицентричность), равноправие и справедливость.

Важно отметить, что в «Казанской декларации БРИКС» отражается своя специфика в интерпретации единения: акцент делается на экономическом сотрудничестве, глобальной многополярности и инклюзивности. Выражения: *углубление партнерства, инклюзивное развитие, диалог развитых стран и государств с формирующимся рынком на равной и взаимовыгодной основе, консолидация усилий в международных институтах* и под. — подчеркивают горизонтальную структуру взаимодействия без явного доминирования одной страны, указывают на попытку создать альтернативу западноцентричным структурам, отражают стремление к реформе мировой системы управления.

Ключевым аспектом понимания консолидации в «Казанской декларации БРИКС» является единение стран Глобального Юга. БРИКС стремится

ся сплотить развивающиеся страны против доминирования Запада в мировой экономике и политике через экономическое сотрудничество и создание альтернативных институтов (так, БРИКС продвигает Новый банк развития (НБР), предлагая странам Глобального Юга доступ к финансированию без жестких условий МВФ). Об этом свидетельствуют выражения: *Мы подчеркиваем необходимость реформирования нынешней международной финансовой архитектуры для решения глобальных финансовых проблем, включая глобальное экономическое управление, с тем чтобы сделать международную финансовую архитектуру всеобъемлющей и справедливой; в этой связи мы приветствуем инициативу по созданию новой инвестиционной платформы, позволяющей максимально эффективно задействовать существующую институциональную инфраструктуру НБР в целях увеличения притока инвестиций в страны БРИКС и механизмы Глобального Юга* и др. БРИКС, таким образом, консолидирует страны экономически и дипломатически, создавая альтернативу западным институтам.

4. Заключение = Conclusions

Проведённый лингвополитологический анализ трёх значимых для внешней политики России документов 2023—2024 годов позволил выявить разные модели консолидации, каждая из которых, с одной стороны, реализуется с помощью однотипного набора языковых средств, репрезентирующих идею единения через сотрудничество, с другой стороны, отличается спецификой в отношении стратегического развития Российской Федерации на международной арене. В «Концепции внешней политики РФ» одной из значимых является идея исторической и цивилизационной общности, которая реализуется через выражения *братские народы, союзничество, евразийская интеграция* и под., делается акцент на постсоветском пространстве как зоне безусловной солидарности. Модель консолидации, представленную в «Концепции внешней политики РФ», можно считать многоуровневой и масштабируемой, способной адаптироваться к различным уровням взаимодействия, однако при любом варьировании сохраняется ее концептуальная целостность и стратегическая направленность. Например, эта модель может масштабироваться от регионального уровня взаимодействия (СНГ) до межконтинентального (БРИКС+): нарративы используются общие, но акценты делаются разные.

В «Астанинской декларации ШОС» внимание сосредоточено на прагматической идее сохранения безопасности и взаимовыгодного сотрудничества (репрезентанты: *доверие, коллективная безопасность, транспортная связность* и др.), вектор консолидации изначально направлен на Центральную Азию и фокусируется на антитеррористической и эконо-

мической повестке. Эту модель можно назвать векторной и регионально-прагматической, сочетающей в себе антитеррористическую направленность и сфокусированность на экономической кооперации.

«Казанская декларация БРИКС» продвигает нарратив глобальной справедливости (объединяет страны, недовольные гегемонией Запада (ср.: *солидаризация Юга, взаимодействие со странами Глобального Юга, дедолларизация, многополярность* и др.)). Такую модель можно назвать векторной и глобально-ориентированной, а также альтернативной по идеологическим установкам. Она направлена на консолидацию партнеров, многоплановое и многостороннее сотрудничество. Модель учитывает интересы всех участников, основывается на принципах равенства в экономике и политике, а также предоставлении равных возможностей для развития. Концептуальной основой такой модели является консолидация усилий, направленных на противостояние универсальности западных подходов, на борьбу с неоколониализмом и эксплуатацией.

Важно подчеркнуть, что сама идея о единстве и единении уходит глубокими корнями в традиции как минимум двух стран, которые играют ключевую роль в ШОС, БРИКС — России и Китая. Юй Даньхун, рассматривая китайскую концепцию о *культуре гармонии* и русскую идею *соборности*, подчеркнул, что в обеих традициях одинаково ценится гармония, сплоченность, способность находиться в согласии, что в настоящее время, когда Китай и Россия стремятся к обновлению своих традиций, *культура гармонии* находит отражение в идее построения гармоничного социалистического общества и в дипломатической концепции *Единой судьбы человечества*, а русская идея соборности воплощается в концепции Новой России, «направленной на объединение населения, пробуждение патриотизма, поддержание могущества страны и осуществление национального возрождения России» [Юй Даньхун, 2021, с. 155].

Данное исследование, предлагая модель анализа стратегии консолидации через языковые средства институционального дискурса, демонстрирует, как лексические маркеры единства (здесь: единства через сотрудничество) формируют политические нарративы. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ аналогичных документов других объединений (НАТО, АСЕАН, Африканский союз и т. д.) для выявления универсальных и уникальных особенностей дипломатического дискурса XXI века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. АД СГГ ШОС — *Астанинская декларация* Совета Глав Государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rus.sectesco.org/20240704/1420683.html> (дата обращения 25.04.2025).
2. КД БРИКС — *Казанская декларация* БРИКС. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности от 23 октября 2024 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1729693488382423 (дата обращения 25.04.2025).
3. КВП РФ — *Концепция* внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В. В. Путиным от 31 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 26.04.2025).
4. Решение СГГ СНГ — *Решение* Совета Глав государств СНГ об объявлении в Содружестве Независимых Государств 2022 года Годом народного творчества и культурного наследия, 2023 года — Годом русского языка как языка от 18 декабря 2020 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cis.minsk.by/reestriv2/doc/6369#text> (дата обращения 26.04.2025).
5. ССРЯ ОП — *Словарь* синонимов русского языка — онлайн подбор [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://sinonim.org/> (дата обращения 26.04.2025).

Литература

1. Галимова Х. Н. Семантический синтаксис и пропозиция как единица пропозиционного анализа текстов / Х. Н. Галимова // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 3 (36). — С. 249—252. — DOI: 10.26140/bgз3-2021-1003-0062.
2. Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.
3. Громыко С. А. Речевые репрезентации идеи единства в русском парламентском дискурсе начала XX века (на примере лексем единство и единение) / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 39—54. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54>.
4. Джиоева В. П. Реализация концептов *единство* / *иудзинад* в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия / В. П. Джиоева, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.
5. Дубровская Т. В. Лексические маркеры единения в российских государственных программных документах : слова с морфемой *-един-* / Т. В. Дубровская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — Т. 19. — № 4. — С. 740—759. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.406.
6. Дубровская Т. В. Прагмалингвистические средства конструирования коллективного прошлого в британском политическом выступлении / Т. В. Дубровская, Э. И. Юскаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 1. — С. 94—102. — DOI: 10.17308/lic.2020.1/2737.
7. Кушнерева Д. А. Тактика кооперации в политических речах Эвы Перон / Д. А. Кушнерева // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2021. — № 4 (37). — С. 431—436. — DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).431-436.

8. *Лаптева М. Л.* Особенности построения лексико-семантического поля концепта «сотрудничество» в политическом дискурсе / М. Л. Лаптева, О. А. Уразгалиева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2016. — № 3. — С. 56—59.

9. *Лики единения в языке и дискурсе : монография / Т. В. Дубровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под ред. Т. В. Леонтьевой.* — Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с. — ISBN 978-5-91256-571-7.

10. *Норман Б. Ю.* Конструкции с местоимением МЫ : формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности / Б. Ю. Норман, А. М. Плотникова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2016. — № 6 (34). — С. 126—138. — DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10.

11. *Пентегова А. В.* Концепт гуманитарного сотрудничества в современной системе международных отношений / А. В. Пентегова // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2019. — Т. 25. — № 4. — С. 54—60. — DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-4-54-60.

12. *Раевская М. М.* Институциональный дискурс современной испанской монархии : стратегии и тактики воздействия в публичных выступлениях Филиппа VI / М. М. Раевская, И. В. Селиванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — № 18 (4). — С. 810—830. — DOI: 10.21638/srbu09.2021.411.

13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с.

14. *Фролова А. В.* Метафорическое моделирование образа будущего России в неинституциональном политическом Интернет-дискурсе США и Китая : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 5.9.8 / А. В. Фролова. — Екатеринбург, 2023. — 24 с.

15. *Юй Даньхун.* Китайская «культура гармонии» и русская «соборность» / Юй Даньхун // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 5. — С. 149—157. — DOI: 10.31857/S013128120016372-0.

16. *Akbari Hamed L. A.* Linguistic Devices of Identity Representation in English Political Discourse with a Focus on Personal Pronouns : Power and Solidarity / L. A. Akbari Hamed, B. Behnam // The Journal of English Language Pedagogy and Practice. — 2020. — Vol. 13. — № 26. — Pp. 205—229. — DOI: 10.30495/JAL.2020.677911.

17. *Cioce G.* The improvised language of solidarity : Linguistic practices in the participatory labour-organizing processes of multi-ethnic migrant workers / G. Cioce, M. Korczynski, D. Però // Human Relations. — 2022. — № 76 (12). — Pp. 1855—1880. — DOI: 10.1177/00187267221119775_

18. *Wilk P.* Constructing solidarity in discourse : a pragma-linguistic analysis of selected speeches by President Zelensky addressed to international community / P. Wilk, K. Molek-Kozakowska // East European Review. — 2024. — Vol. 15. — № 2. — Pp. 151—162. — DOI: 10.31648/pw.10870.

19. *Peled Y.* Solidarity and/in Language / Y. Peled // Global justice : Theory, Practice, Rhetoric. — 2024. — Vol. 14. — № 01. — Pp. 79—102. — DOI: 10.21248/gjn.14.01.261.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2025,
одобрена после рецензирования 04.07.2025,
подготовлена к публикации 19.07.2025.*

Material resources

- AD SGG SCO — *Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization*. Available at: <https://rus.sectsko.org/20240704/1420683.html> (accessed 25.04.2025). (In Russ.).
- BRICS CD — *BRICS Kazan Declaration. Strengthening multilateralism for equitable global development and security dated October 23, 2024*. Available at: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1729693488382423 (accessed 25.04.2025). (In Russ.).
- KVP RF — *The Concept of the foreign policy of the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 31, 2023*. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed 26.04.2025). (In Russ.).
- SSR OP — *Dictionary of synonyms of the Russian language — online selection*. Available at: <https://sinonim.org/> (accessed 26.04.2025). (In Russ.).
- The decision of the CIS State Council — *The decision of the Council of Heads of State of the CIS on declaring 2022 the Year of Folk Art and Cultural Heritage in the Commonwealth of Independent States, 2023 — the Year of the Russian Language as a Language dated December 18, 2020*. Available at: <https://cis.minsk.by/reestriv2/doc/6369#text> (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

References

- Akbari Hamed, L. A., Behnam, B. (2020). Linguistic Devices of Identity Representation in English Political Discourse with a Focus on Personal Pronouns: Power and Solidarity. *The Journal of English Language Pedagogy and Practice*, 13 (26): 205—229. DOI: 10.30495/JAL.2020.677911.
- Chudinov, A. P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flint: Nauka Publ. 256 p. (In Russ.).
- Cioce, G., Korczynski, M., Però, D. (2022). The improvised language of solidarity: Linguistic practices in the participatory labour-organizing processes of multi-ethnic migrant workers. *Human Relations*, 76 (12): 1855—1880. DOI: 10.1177/00187267221119775.
- Dubrovskaya, T. V. (2022). Lexical markers of unity in Russian government policy documents: words with the morpheme -one-. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 19 (4): 740—759. DOI: 10.21638/spbu09.2022.406. (In Russ.).
- Dubrovskaya, T. V., Yuskaeva, E. I. (2020). Pragmalinguistic means of constructing the collective past in British political speech. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 1: 94—102. DOI: 10.17308/lic.2020.1/2737. (In Russ.).
- Dzhioeva, V. P., Tamerian, T. Y. (2017). Realization of concepts unity / Judeo-Genocide in South Ossetian political discourse in the situation of Russian-Ossetian bilingualism. *Political linguistics*, 4: 53—59. (In Russ.).
- Frolova, A. V. (2023). *Metaphorical modeling of the image of the future of Russia in the non-institutional political Internet discourse of the USA and China*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).
- Galimova, H. N. (2021). Semantic syntax and proposition as a unit of propositional analysis of texts. *Baltic Humanitarian Journal*, 10 / 3 (36): 249—252. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1003-0062. (In Russ.).

- Gavrilova, M. V. (2010). Gavrilova, The development of meaningful forms of the concept of “unity” in the Russian Political Discourse of the XX—XXI centuries. *Political Linguistics*, 4 (34): 13—18. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2023). Speech Representations of Unity in Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse: A Study of Lexemes ‘Edinstvo’ [Unity] and ‘Edinenie’ [Unification]. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 39—54. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-39-54>. (In Russ.).
- Kushnereva, D. A. (2021). Tactics of cooperation in Eva Peron’s political speeches. *Scientific Notes of the Novgorod State University*, 4 (37): 431—436. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).431-436. (In Russ.).
- Lapteva, M. L., Urazgalieva, O. A. (2016). Features of the construction of the lexico-semantic field of the concept of “cooperation” in political discourse. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3: 56—59. (In Russ.).
- Leontieva, T. V. (ed.). (2022). *Faces of unity in language and discourse: a monograph*. Yekaterinburg: Azhur. 292 p. ISBN 978-5-91256-571-7. (In Russ.).
- Norman, B. Y., Plotnikova, A. M. (2016). Constructions with the pronoun WE: the formation of an actual or occasional collective identity. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*, 6 (34): 126—138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10. (In Russ.).
- Peled, Y. (2024). Solidarity and/in Language. *Global justice: Theory, Practice, Rhetoric*, 14 (01): 79—102. DOI: 10.21248/gjn.14.01.261.
- Pentegova, A. V. (2019). The concept of humanitarian cooperation in the modern system of international relations. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 25 (4): 54—60. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-4-54-60. (In Russ.).
- Raevskaya, M. M., Selivanova, I. V. (2021). Institutional discourse of the modern Spanish monarchy: strategies and tactics of influence in public speeches of Philip VI. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 18 (4): 810—830. DOI: 10.21638/spbu09.2021.411. (In Russ.).
- Wilk, P., Molek-Kozakowska, K. (2024). Constructing solidarity in discourse: a pragma-linguistic analysis of selected speeches by President Zelensky addressed to international community. *East European Review*, 15 (2): 151—162. DOI: 10.31648/pw.10870.
- Yu Danhong. (2021). Chinese “culture of harmony” and Russian “conciliarity”. *Problems of the Far East*, 5: 149—157. DOI: 10.31857/S013128120016372-0. (In Russ.).

*The article was submitted 05.04.2025;
approved after reviewing 04.07.2025;
accepted for publication 19.07.2025.*